

ДЖОАНН
ХАРРИС

СИНЯЯ СОЛЯНАЯ
ТРОПА

Джоанн Харрис

Синяя соляная тропа

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Д.

Синяя соляная тропа / Д. Харрис — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-184547-6

Когда-то в клане Серых тюленей, самых свободолюбивых среди шелки, жил юноша. Он любил слушать истории о Народе, плавать у их берегов и следовать за рыбацкими лодками. В то время на острове Народа жила прекрасная девушка. Она была упряма, требовательна и горда, и никому не удавалось завоевать ее сердце. В ночь полной луны она вышла на берег и разрыдалась. Из воды явился юноша из племени шелки: высокий, с длинными черными волосами и темной, как вино, кожей. Девушка полюбила его и не собиралась отпускать. Она украла его шкуру, и он потерял все воспоминания о родине и своей семье, и навсегда оказался привязан к суше. Но однажды он снова услышит голос океана и откликнется на его зов. Долгожданная новинка от Джоанн Харрис, автора знаменитого романа «Шоколад». «Синяя соляная тропа» – красивая история народа суши и моря, история любви, предательства и зова океана. Невероятная сказка о шелки – мифических существах из ирландского и шотландского фольклора. Издание содержит шикарные иллюстрации английской художницы Бонни Хелен Хокинс, которая известна своими традиционными пейзажами и графическими рисунками. Об авторе. Джоанн Харрис – знаменитая английская писательница, автор четырнадцати романов и множества рассказов. Ее «Шоколад» получил самые восторженные отзывы и был номинирован на престижные литературные премии. А после блистательной экранизации с Жюльетт Бинош и Джонни Деппом в главных ролях книга стала мировым бестселлером. Сегодня книги Харрис любимы миллионами читателей во всем мире. Ее проза поэтична, а сюжеты необычны.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-184547-6

© Харрис Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть 1	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Часть 2	29
Глава первая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джоанн Харрис

Синяя соляная тропа

Joanne M. Harris
THE BLUE SALT ROAD

Copyright © Frogspawn LTD, 2018
Illustrations © Bonnie Helen Hawkins, 2018
Cover illustration by Sue Gent

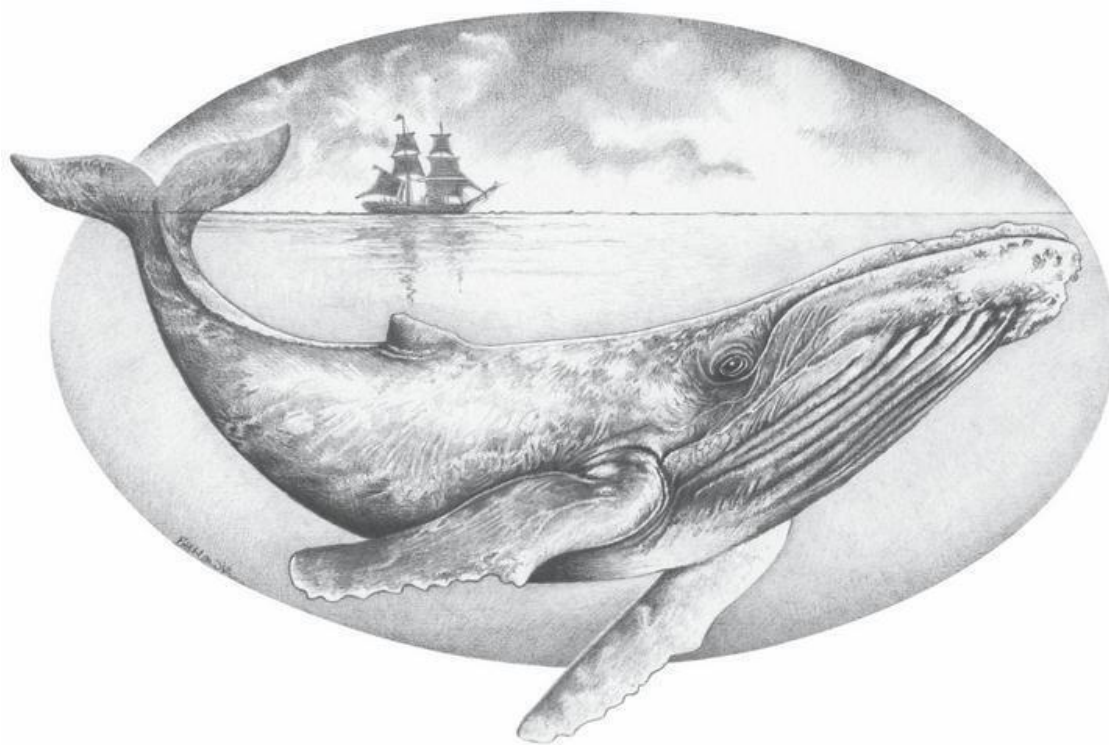
© Тихонова А., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

У океана много голосов. Он поет голосами гринд, дельфинов. Волн у берега. Тысяч птиц. Воем ветром в далеких утесах. Но красивее всех звучит песня шелки, чудесного народа, который охотится с тюленями и танцует с волнами.

Голос шелки низкий и сладкий, и его не сразу заметишь. Спутаешь с голосом птицы, тюленя, прибоя, ласкающего гальку на берегу. Однако стоит прислушаться – и расслышишь историю за каждым звуком. За хрустом камешков под ногами, за плеском воды, в которой прыгает макрель, за криком орлана, приметившего добычу на белом каменистом берегу. Истории, подобно кочевникам, вечно двигаются вперед и никогда не иссякают. Они везде: в воздухе, блюдах, угольках костра. Когда ты ложишься вечером спать и слушаешь ветер, завывающий под крышей, истории притаиваются под кроватью, в тених. Легенды о чудище Кракене, вышедшем из глубин морских, о сиренах, что заманивают ни о чем не подозревающих путешественников своими песнями, обрекая их на верную гибель, о русалках, маяках, кораблях... и о шелки.

Перед вами как раз такая легенда, из песни Народа, которую спел для меня китобой, а значит, она столь же правдива – или лжива, – как сладкие обещания сирен. У Народа сложные отношения с кланом шелки. Они охотятся на этих морских обитателей ради шкуры и плоти, но боятся ответной жестокости, а в уюте и безопасности собственного дома частенько вспоминают о них, очарованные дикой природой шелки, мечтают поймать их и приручить. Шелки одновременно и отталкивают, и притягивают Народ, пленяют и вселяют неприязнь, вызывают и ненависть, и любовь. Они плетут свои истории из тончайших нитей, мерцающих в лунном свете, словно паутина. Книга, которую вы держите в руках, так же правдива или обманчива, как песня ветра или полет серебристой чайки над пенистыми волнами. Это *моя* история, история народа суши и моря, история любви, предательства и зова океана. Почерпните из нее то, что вам более всего необходимо, и передайте кому-нибудь другому, ибо именно так истории – подобно шелки – двигаются вперед в потоке времени, меняясь и все же в глубине своей оставаясь неизменными. Будто прибойные волны, они забирают с собой все, что могут унести, и разносят истории по океану, как семена цветов.

Часть 1

*Дева земная, кормя малыша,
«Нежный мой кроха, – поет, —
Не знаю совсем твоего отца
И где он, мой милый, живет».*

Баллады Чайлда, № 113

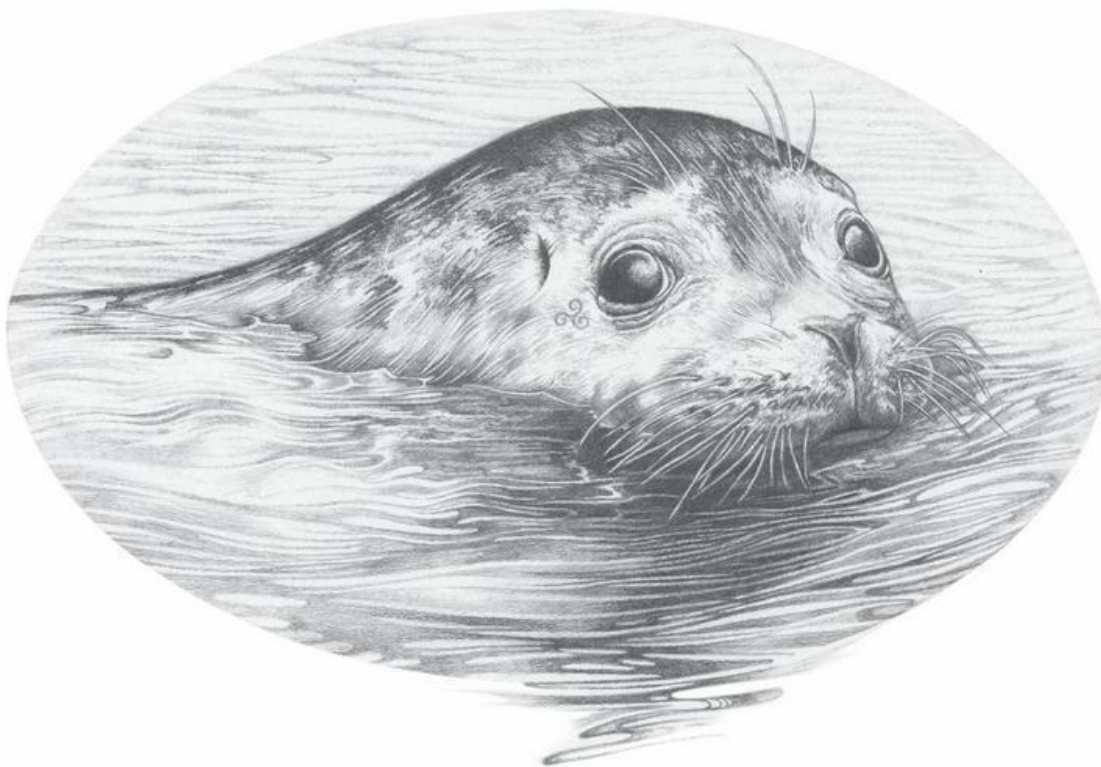
Глава первая

Когда-то в клане Серых Тюленей, самых игривых среди шелки, жил один юноша. Обитал он у каменистых островков – шхер – к западу от земель Народа, среди суровых ветров, где каждый год лед все ближе подбирался к его жилищу. Его племя было яростным, диким, с острыми как бритва зубами. Тот юноша считался из них самым отчаянным, поскольку не боялся нырять с самых высоких утесов, бросаться в самые могучие волны и заплывал так далеко, как никто из шелки не посмел бы.

Его мать была вождем клана, гордой, могущественной и сильной, в доспехах мышц и толстого слоя жира, который помогал ей переживать холодные зимы. И он был таким же. Природа одарила его крепкими плечами, пестрыми боками и глазами темными, как океан. А еще – своенравием и упрямством.

Он любил слушать истории о Народе, одновременно и похожем, и столь отличным от шелки. Любил плавать у их берегов, играть в волнах при их пляжах. Следовать за рыбацкими лодками, наблюдать за тем, как поднимают улов. Любил слушать их голоса и веселые песни, которые доносились до него с палубы на легком ветру обрывками загадочных историй. «Опасайся Народа, – предупреждала его мать. – Это кровожадные, жестокие люди. В отличие от нас, у них нет шкур, которые приходится сбрасывать, чтобы ходить по земле. Вместо этого они охотятся на серых тюленей и моржей с копьями и гарпунами, снимают их шкуру и одеваются в нее, спасаясь от мороза. Ведь сами они – бледные, худые, дрожащие твари, в снегах беззащитные, будто только что вылупившиеся цыплята».

Молодой шелки не внимал ее мудрым словам. Не прислушивался он и к советам друзей, беспечных спутников детства. Юноша знал о сражениях, которые велись между его сородичами и Народом. Своими глазами видел суда, отходившие от берега, которые охотились на королей моря – китов, – и кровавые битвы у дальних шхер, но слышал о храбрости Народа и интересовался его традициями. Он плавал к ближайшему из соседних островов, чтобы узнать как можно больше о его таинственных обитателях.

Он подплывал совсем близко к их домам, смотрел на льющийся из окон свет, плескался на мелководье и слушал колыбельные матерей. Лежал в одиночестве на гладком валуне у края гавани и наблюдал за кораблями с высокими мачтами. С возрастом жажда знаний только росла, и одной летней ночью он выбрался на пляж, на прохладный темный песок, и сбросил теплую шкуру вместе со спасительным слоем жира. Он замер на берегу совсем нагой, в виде юноши с темной гладкой кожей и шелковистыми волосами, и лик его был прекрасен в лунном свете.

«Вот каково оно, – подумал молодой шелки, – быть одним из Народа». Он с любопытством осмотрел себя: изящные, длинные руки и ноги, ребра и торс; отметины на темной коже – как на шкурах шелки, но немного другие; ключицы – острые и выпирающие. Серым тюленем он был сильным и мощным, а человеком оказался грациозным и прелестным. И на этих запретных землях, ощущая зерна песка под ногами, он почувствовал поднимавшиеся в нем восторг и радость.

Океан же предупреждал его своими бесчисленными голосами.

– Берегись! – прокричала ему серебристая чайка, рассекавшая небо.

– Предательство! – возвещали волны, бьющиеся о камни.

– Возвращайся домой! – донесся до него зов Серых Тюленей от далеких шхер.

Это кричали его друзья, братья, сестры... но шелки их не послушал.

– Я только пройду немного по берегу, – сказал он себе, аккуратно складывая тюленью шкуру и пряча ее под камень. – Никто меня не увидит. Все люди спят в своих постелях.

Он не ошибся: его не заметили. Народ покорился ночи, и даже если кому привиделся во сне прекрасный нагой юноша с длинной и густой, как у жеребца, шевелюрой и кожей темной, словно море в шторм, они не посмели бы упомянуть об этом. Правда, надевая свою шкуру, чтобы вернуться в море, молодой шелки ощутил легкое разочарование.

Конечно, его человеческий облик во многом уступал тюленьему, и в нем он плавал медленно, неуклюже. Конечно, он мерз без своей шкуры. Конечно, слух и зрение были не такими острыми, а реакция не такой быстрой, хоть и лучше, чем у людей из Народа. Однако приятное волнение от возможности прогуляться по вражеской земле и во вражеской коже все окупало. Поэтому юный шелки стал посещать берега Народа каждую ночь и с каждым разом задерживался все дольше. Он постепенно привыкал к новому облику и новым окрестностям и все больше рисковал. Заходил в глубь острова, заглядывал в гавань и в поселения Народа с их низкими крышами, толстыми каменными стенами и окнами, смотревшими на море.

Ночью юношу никто не видел и ни о чем не спрашивал. Острый слух шелки позволял ему слышать все, что происходило в домах. До него доносилось мерное дыхание рыбака из хижины, постепенно переходящее в глухое сопение глубокого сна, и тихое бормотание, когда тот просыпался. За стенами дома, где жила целая семья, по длинным волосам девочки скользил гребень из слоновой кости, а сальная свеча медленно таяла у ее кровати. Юный шелки двигался со скоростью тюленя на охоте и так же неслышно, как волны отлива. Он становился все смелее и беспечнее.

А из круга каменистых островков за юношей с тревогой и осуждением следили его сородичи из клана тюленей.

– Ты играешь в опасные игры, – строго сказала ему мать. – Ничем хорошим это не закончится. Ты мой преемник и однажды станешь вождем нашего племени, но до того тебе следует научиться осторожности, сын мой, и лучше узнать врага.

– Я узнаю о Народе намного больше, если не буду сидеть вдали от их островов, – возразил молодой шелки. – Мои «игры», как ты выражаешься, позволяют мне наблюдать за ними в их естественной среде. Я заглядывал в их дома, видел их детенышей и могу сказать, что они вовсе не такие чудовища, какими вы ихставляете. Наверное, со временем наш клан сможет даже подружиться с ними...

Мать оскалила острые зубы.

– Юный глупец! Думаешь, тебе первому пришла в голову эта мысль? О, в нашем роду было много таких несчастных, считавших, что они могут завести дружбу с Народом. И всегда это приводило к одному: пленению, рабству, изгнанию.

Она рассказала ему истории шелки, потерявших свои шкуры и проданных в рабство. О тех, кто больше не мог вернуться к своему клану или вовсе забыл свою истинную сущность. Об их детях, получивших человеческие имена, лишенных возможности услышать голос моря и воссоединиться со своей настоящей родней.

– Твоего отца постигла та же участь. Бывший король синей соляной тропы, он попался в ловушку Народа. Его шкуру украли, и он потерял все воспоминания о родине. Его обманом заставили убивать сородичей, его душа оказалась навсегда опорочена, и он разбил мне сердце. И горе мое будет неизмеримо, если ты повторишь его судьбу.

К сожалению, юноша был слишком самонадеян, чтобы внять советам матери. Он считал себя быстрее, сильнее и способнее любого человека из Народа и не видел смысла в осторожности, пока не достиг возраста своей матери. А сейчас он наслаждался жизнью. Время шло, он становился все неосмотрительнее, и мать больше не пыталась его образумить. Друзья тоже не вмешивались, боясь его горячего нрава. Лишь одна шелки, близкая подруга юноши, прямолинейная и бесстрашная, все пробовала до него достучаться.

– Зачем тратить время на Народ? – спросила она как-то раз. – Они тощие, жалкие и бледные. Сила у них только в кораблях, ружьях и стальных гарпунах. К чему принимать их облик, когда как шелки ты сильный, гибкий, быстрый и к тому же гораздо красивее людей?

– Ты еще мала, – ответил юноша. – Сама поймешь, когда вырастешь.

Дева шелки взглянула на него исподлобья, и ее темные глаза сверкнули. Она ничего не сказала, развернулась и уплыла прочь. Она была всего на год младше и почти не уступала юноше в силе и скорости. Ее рассердила его заносчивость, и она унеслась в более теплые воды играть с шелки из кланов Обыкновенных Тюленей и Гренландских Тюленей, Хохлачей и Морских Зайцев.

Юноша проводил ее взглядом, в душе сожалея о том, что она уплыла.

– Она вернется, – прошептал он себе. – Девушки – они такие, упрямые и взбалмошные. Однажды она поймет, как интересны культура и традиции Народа. И, быть может, мы с ней сбросим свои шкуры и вместе выйдем на берег.

Он был слишком горд, чтобы позвать свою подругу и признать, что скучает по ней; поэтому юноша тоже стал искать компании в другом месте.

Глава вторая

В то время на острове Народа жила девушка по имени Флора Маккрэканн. Она была единственной дочерью китобоя и его жены, уважаемой четы. Счастливый брак для дочери был единственным их желанием. Однако Флора, прекрасная внешне, была упряма, требовательна и горда, и никому не удавалось завоевать ее сердце. И юноши на острове скоро находили утешение в обществе других девушек.

– Берегись своей гордыни, – говорила ей мать. – Женихи рано или поздно закончатся, если продолжишь отвергать их одного за другим. И берегись, если не выберешь суженого до своего двадцать пятого дня рождения. Никто не женится на старой деве, и мы с твоим отцом никогда не понянчим внуков.

Флору не трогали слова матери.

– Молодые люди на островах слишком черствы и невоспитанны, с грубыми руками, просоленными лицами. Я найду себе настоящего принца и выношу от него малыша. Все девушки на острове будут завидовать моей удаче.

– О чем ты? – строго уточнила мать, но Флора лишь тряхнула волосами – рыжими, как зимний закат, и сказала:

– Не пройдет и года, как малыш у меня появится. Сама увидишь.

Больше мать ничего от нее не добилась, как ни старалась.

Тут надо заметить, что у Флоры были еще родственники на материке. Там жила ее бабушка, знавшая об океане больше всех из Народа. Она давно овдовела и не упускала возможности поделиться своей мудростью с любимой внучкой. Стоило той впервые заговорить, как бабушка начала проводить с ней долгие вечера, передавая Флоре старые легенды и сказки: о чудовищном Кракене, поднимавшемся из мрачных глубин океана навстречу своей смерти, о лесных кочевниках, умевших обращаться в зверей. Больше всего Флора любила слушать о шелки – чудесных тюленях, которые могли сбрасывать шкуру и принимать человеческий облик удивительной, несравненной красоты.

– Некогда все мы жили в океане, – рассказывала бабушка. – Его соленая вода еще течет в наших венах, и наши слезы – напоминание о нем.

– А зачем мы его покинули? – спрашивала Флора.

– Мы были глупцами. Мечтали о завоевании миров. Мы перестали слышать голос моря, научились ходить по земле и притворились, будто мы превыше всех тварей.

С тех бесед прошли годы. Когда Флора Маккрэканн была совсем крохой, старушка жила вместе с ними, но дочь скоро устала от ее тяжелого характера, прямолинейности и требовательности и в конце концов прогнала – ради домашнего покоя. Бабушка уехала на материк, но Флора не забыла ее чудесные сказки. И хотя детство ее давно прошло, она все еще верила в силу слез.

– Как увидеть шелки? – спросила она однажды у бабушки.

– Если одинокая дева прольет пять слезинок в океан, юноша из племени шелки придет к ней и осуществит ее самое заветное желание, – ответила ей бабушка.

И вот, двадцать лет спустя, в ночь полной луны середины лета – луны, которую островной Народ называл Охотничьей, – Флора вышла на берег, села на камень и попыталась выдавить из себя слезы. Ей редко приходилось плакать, и это оказалось не так просто; но тут она подумала обо всех юношах, которые разочаровали ее, о тесном домишке родителей, из которого ей отчаянно хотелось сбежать, о своем двадцать пятом дне рождения, который стремительно приближался, о судьбе старой девы, которая стоит в церкви в стороне и терпеливо ждет, пока займут места замужние дамы. Тогда из ее глаз полились слезы ярости и горечи, и она поспешила к воде, чтобы они упали в волны.

Если верить старым легендам, океану довольно пяти слезинок. И, очевидно, им можно было верить, поскольку не успела Флора промокнуть глаза очаровательным кружевным платком, который захватила специально для этого момента, как из воды явился прекрасный юноша: высокий, статный, с длинными черными волосами и темной, как вино, кожей, покрытой загадочными отметинами, похожими на татуировки. Таких Флора никогда раньше не видала.

На мгновение сердце у нее дрогнуло, словно рыба на берегу, и она уже хотела завизжать от страха, но заставила себя лишь тихо улыбнуться и не обращать внимания на тревогу.

Флора впервые увидела мужчину полностью обнаженным, и хотя нагота была возмутительной, она постаралась не судить его строго, поскольку знала, что перед ней стоит шелки, ее заветный таинственный принц, о котором она мечтала. А в мечтах одежда, пожалуй, не так уж важна.

Она сняла платье и сорочку и отложила на мерцающий в ночном свете песок. И встала перед юношей такая же нагая, как он, снежно-белая под луной, в обрамлении копны рыжих волос.

Молодой шелки смотрел на нее, не двигаясь, и волна прибоя омывала его лодыжки. Флора шагнула к нему, и ее ноги окутала белая пена. Ветер обдавал кожу холодом, вода была и того холоднее, но Флора ощущала странный жар в теле, дикий зов своей крови. Юноша улыбнулся, и она поймала взгляд его глаз – нежных и темных, как у тюленя. Впервые в жизни Флора Маккрэканн отбросила благопристойность – и отдала себя своему принцу, и лунному свету, и океану.

Вместе они окунулись в волны, вместе побежали по берегу, омываемому шумным прибоем, вместе легли на песок, прижавшись друг к другу, и впервые в жизни Флора Маккрэканн не испытала разочарования.

Глава третья

Разумеется, тем молодым человеком был уже знакомый нам сын клана Серых Тюленей. Он с готовностью ответил на желания прекрасной девушки, упиваясь ее соленой кожей, дарящей тепло даже в холодной воде, и мягкими влажными волосами.

Ветер приносил издали голос серебристой чайки:

– Берегись!

Волны, бьющиеся о камни вдали, шептали:

– Предательство!

Серые Тюлени кричали от далеких шхер:

– Возвращайся домой!

Однако юноша был глух к зову океана.

Он впервые возлежал с девушкой из Народа, хотя не раз – о, не раз! – был близок со своими сородичами. У шелки нет понятия брака и верности одному-единственному партнеру. Их любовь свободна и обильна и не предполагает обязательств. Старейшины клана растят всех детей, в то время как молодые шелки наслаждаются благами юности и весельем.

Разумеется, Флора Маккрэканн об этом не знала. Она сумела призвать красивого, статного мужчину из племени шелки и вовсе не собиралась его отпускать. Она чувствовала нежный аромат его кожи, ощущала на себе его сильные руки и, хотя не могла сказать точно, любовь это или минутная страсть, искренне желала его, и только после того, как прошел ее пыл, к девушке вернулась практичность и она начала задавать вопросы.

– Как тебя зовут и из какого ты клана? Если мы поженимся, ты должен встретиться с моими родителями.

Юноша озадаченно моргнул в ответ.

– У нас нет имен. Мы шелки, мы плаваем с китами, и каланами, и дельфинами. Мой клан Серых Тюленей живет в кольце шхер, а твоим родителям я бы не посмел показаться. Они сразу убили бы меня, ведь наши народы враждуют испокон веков.

Эти слова расстроили, но не отпугнули Флору. Пускай он шелки, но все же мужчина, со всеми присущими мужчине слабостями и сомнением. И поскольку ей хотелось заполучить его (а Флора Маккрэканн привыкла получать желаемое), она скрыла свое недовольство и сладко улыбнулась.

– Встретимся здесь же завтра ночью – и, возможно, ты передумаешь.

Так на следующую ночь и на ту, что следовала за нею, шелки пришел к Флоре Маккрэканн. Три недели они виделись на небольшом пляжике каждую ночь. Вместе плавали в волнах, лежали на песке и нежно шептались под яркими холодными звездами.

Флора рассказала шелки о своем теплом доме с торфяным очагом, о мягкой постели с льняной простыней и пуховым одеялом. А шелки ей – об играх тюленей на каменных островах, о соленом хрусте рыбы в их мощных челюстях, о запахе шторма и треске льда, о голосах океана. Флора не уставала повторять, как чудесно было бы пожениться, жить в домике у гавани и растить очаровательных темноглазых детей.

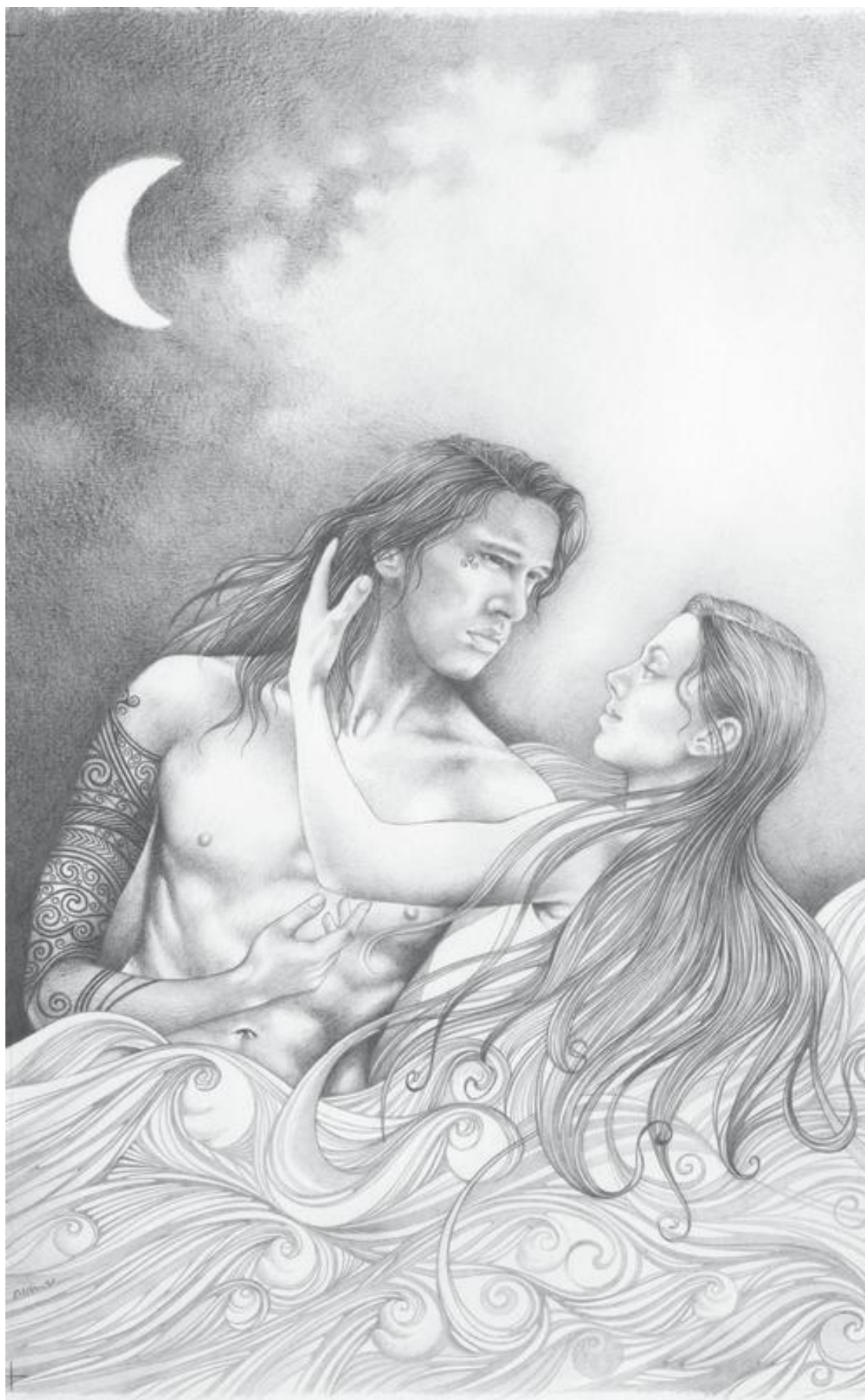
В ответ на это шелки всегда смеялся и отвечал:

– У моего народа так не принято.

После этих слов он обычно скрывался за ближайшими камнями и нырял обратно в море, но Флору не смущал его отказ. Она понимала, как заманчив зов моря – мрачный, но романтичный, сулящий свободу. В то же время в ней нарастало новое чувство, непривычное и словно подгоняющее к чему-то. И стоило девушке осознать, что оно значит, как задача ее стала неотложной.

– Мое дитя не будет расти без отца, – решительно сказала она себе. – Я не намерена носить в своем лоне безымянного сына, ловить на себе взгляды женщин, полные жалости и осуждения. Как и отдать ребенка шелки, по примеру других. Ведь тогда они примут его как своего и заберут в океан. Нет; пускай мой возлюбленный ветрен, дик и игрив, он все же обязан исполнить долг. И если он не захочет отказаться от жизни в море, я найду иной способ обуздать его.

Флора думала об этом, занимаясь повседневными делами. Она прибиралась в родительском доме, ходила на рынок и в церковь и занималась вышивкой – все на островах были слышаны о том, какая Флора мастерица. Весь день она ждала наступления ночи и встречи с любимым. В летние ночи, играя с ним в волнах и катаясь по песку, она наблюдала за растущей луной и мечтала о том, как привяжет шелки к себе и к суше – навсегда.

Глава четвертая

Лето на северных островах подобно взмаху стрекозых крыльев. Всего за несколько недель оно оборачивается осенью, а затем и зимой; и так каждый год. Лед нарастает, начинают дуть холодные ветра, а месяц спустя наступает жгучий мороз.

Флора прекрасно это понимала и уже видела признаки смены сезона. А ее любимый все реже задерживался после их близости, ведь без шкуры он был таким же уязвимым и хрупким, как обычный человек. Его кусал осенний ветер, больно били волны, а острые камешки жалили ступни. Флора догадывалась, что с уходом лета уйдет и ее возлюбленный, вернется в море. А она не могла этого допустить, поскольку он принадлежал ей и она желала его. А главное, Флора поклялась найти себе настоящего принца и родить ему малыша. И ни море, ни шторм, ни крепкая тюленья шкура не могли ей помешать.

Само собой, шкуры Флора еще не видела: шелки всегда приходил к ней в человеческом облике; но она помнила легенды, которые услышала от бабушки, и знала, какую силу таит в себе эта шкура. Связанная с ней тайна служила женщинам на острове, дарила им чувство безопасности и здоровых детей, но никто не заговаривал об этом даже при своих близких – никто, кроме бабушки Флоры. Ведь на самом деле ее прогнали из дома из-за этих историй, из страха, что она соблазнит юную Флору океаном. И теперь, когда перед Флорой стояла задача удержать возлюбленного и отца своего еще не родившегося дитя, она обратилась к словам своей бабушки.

«Отыщи, где шелки прячет свою шкуру, если хочешь поймать его, – советовала та. – Забери ее и спрячь в сундуке из древесины кедра, обитом серебром. Шелки забудет о своем клане, перестанет слышать голос океана и будет послушен тому, кто завладел его шкурой. Имей в виду: храни ее пуще глаза, ибо стоит ему лишь коснуться шкуры, как он немедленно все вспомнит и ты потеряешь его навсегда».

Мать Флоры подарила ей кедровый сундук на совершеннолетие. Он принадлежал еще ее бабушке, и ему было лет восемьдесят. Сундук был искусно выполнен и, хоть и потемнел от времени, был по-прежнему прекрасным и ароматным. Пока в нем хранились лишь скромные фамильные ценности: атласное свадебное платье матери и кружевное – бабушки, хрупкое, как страницы Библии.

Сундук всегда был надежно заперт по настоянию матери – возможно, из уважения к этим ценностям; но теперь Флора смотрела на него иначе и думала о том, что маленький серебряный ключик отлично смотрелся бы на цепочке у нее на шее...

Лето постепенно угасало, подгоняя Флору, но отыскать шкуру было не так просто: ею любимый девушки дорожил превыше всего. Каждую ночь, выходя на берег, он прятал ее под большим валуном, стоявшим на песке. А попрощавшись, тут же исчезал за камнем, быстро натягивал шкуру и нырял в воду, где вновь обращался в серого тюленя и уплывал прочь.

Как Флора ни старалась, она не могла уловить тот момент, когда ее возлюбленный менял облик. Все происходило слишком быстро, и блики на воде и облака, закрывавшие луну, мешали девушке. И все же Флора заметила, что он никогда не уходит далеко от того валуна, и даже во время их близости на него посматривает. Поэтому одной безлунной ночью она спряталась от шелки вместо того, чтобы встретить его, где обычно. А пока он искал ее на берегу, девушка незаметно проскользнула у него за спиной и достала шкуру из-под камня.

Шелки отошел уже довольно далеко и не услышал шагов Флоры. Она спряталась в кустах желтого утесника, растущего вдоль тропы, и внимала его зову, сначала ласковому, затем сердитому и, наконец, печальному.

– Зачем ты скрываешься от меня, любовь моя? – кричал он. – Чем я не угодил тебе?

Флора тихо лежала в зарослях утесника, закутавшись в краденую шкуру. Она знала, что в облике шелки юноша быстро нашел бы ее по запаху, уловил бы ее дыхание и то, как она дрожит на холодном воздухе, но скрыться от человека не составляло труда, и ему оставалось лишь бегать по пляжу и вызывать к своей возлюбленной с искренней мукой и смятением в голосе.

– Что я сделал не так? – повторял он. – Разве мы не были счастливы вместе?

Ей тяжело было слышать его мольбы, но Флора Маккрэканн уверяла себя, что поступила так по острой необходимости. Она не могла потерять его с первыми осенними ветрами и стать матерью-одиночкой, порицаемой и осуждаемой Народом. Это предательство казалось ей незначительным по сравнению с тем, что ждало бы ее саму, не укради она шкуру. Ей пришлось бы отдать свое дитя племени шелки или жить в позоре.

Она пошла на это скрепя сердце. Шелки уже вернулся к камню, обнаружил пропажу и принялся искать свою шкуру в надежде, что ее унесло волнами. Флора тем временем тихонько поднялась по тропе вдоль утеса, набросив шкуру на плечи, и на самом верху ее догнал отчаянный вопль шелки, который наконец осознал, что она натворила.

– Скоро это испытание закончится, – говорила себе Флора, спеша к родительскому дому. – Он забудет о своих страданиях, как только я запру его шкуру в кедровом сундуке, и мы сможем начать новую жизнь вместе.

С тяжелым сердцем она зажала уши ладонями, чтобы не слышать горьких криков своего любимого, подбежала к сундуку и спрятала шкуру под свадебным платьем матери. А затем дождалась утра – не могла ведь она привести мужчину в дом посреди ночи – и вернулась на

берег. Шелки лежал нагой на сером как камень песке, весь синий от холода, забывший обо всем, о том, кто он такой и как здесь оказался.

– Идем со мной, – сказала Флора и протянула ему обитый мехом плащ.

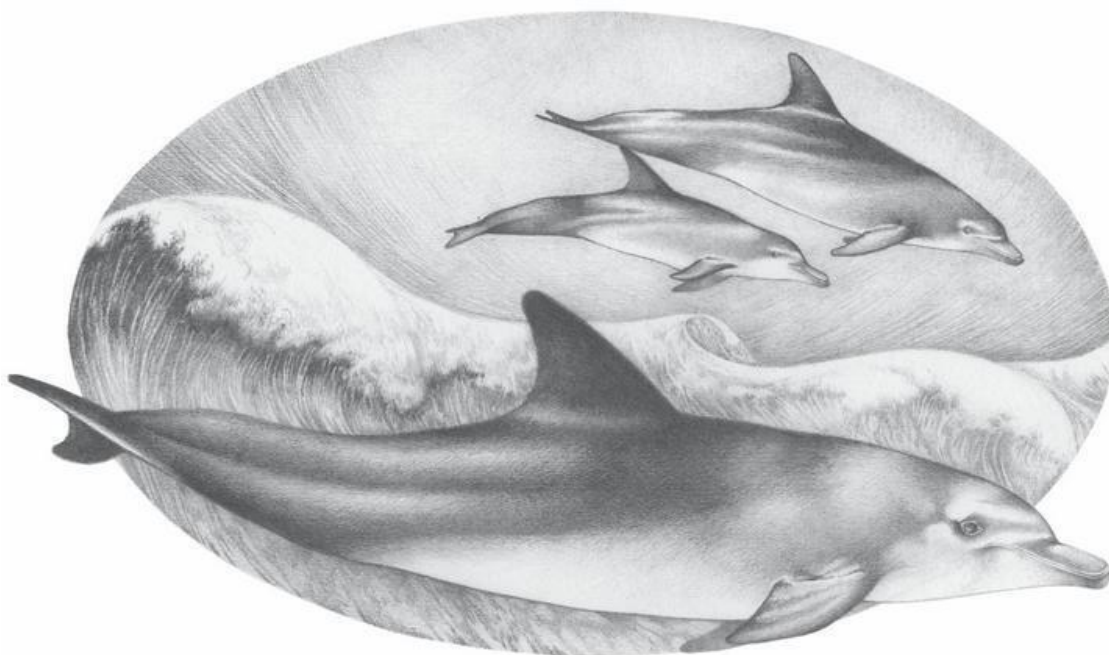
Шелки, несчастный и дрожащий, посмотрел на нее и подумал, что незнакомка эта кажется доброй. Ведь больше он ничего не знал и не понимал. А потому безропотно принял ее дар и последовал за нею в стан врага.

Глава пятая

Между тем, как Флора похитила шкуру, и тем, как спрятала ее в сундуке, прошло менее получаса, но за это время вопли гнева и отчаяния молодого шелки донеслись до всех северных кланов: медуз-корнеротов, акул, моржей и дельфинов, альбатросов и говорушек, серых тюленей и гринд. Никто из них не знал, куда пропала шкура, и потому не мог помочь юноше. Так он тщетно взывал к своим друзьям и возлюбленной, один на пустом берегу. Скоро воспоминания стали ускользать от него, и слезы на лице – соленые, как море, – постепенно высохли.

Вождь клана Серых Тюленей уловила плач сына и печально склонила голову, понимая, что он для них потерян. Услышали его и серебристые чайки и отнесли по морю далеко-далеко, к маяку на острове Сул-Скерри, лишив сна смотрителя маяка. А там горький зов перехватили гренландские тюлени и передали молодой шелки, давней подруге юноши. И хотя она понимала, что не успеет добраться до него прежде, чем он лишится своих воспоминаний, все же поплыла к острову Народа – так быстро, как только могла. Когда она приблизилась к роковому берегу, шелки уже пропал – ушел за Флорой, закутанный в обитый мехом плащ, робкий и беспомощный, словно детеныш дикого зверя, еще не ведающий страха перед охотником.

Юная шелки легла на песок, еще хранивший следы ее старого друга и похитившей его женщины, и хотя она не плакала, ведь тюлени не могут ронять слезы, сердце ее болело от горя и ярости.

– Если он забыл обо всем, я должна помнить его за нас обоих, и, если он не может говорить за себя, я должна говорить за нас, – решила она.

И с этим развернулась и уплыла в море, в то время как на острове плененный шелки готовился к своей новой жизни с Народом.

Глава шестая

Шелки брел босиком по дороге, кутаясь в теплый плащ. Хотя эта одежда отчего-то тревожила его, она дарила ему тепло, и потому он плотнее запахнул плащ, оглядываясь по сторонам.

Все было ему незнакомо: маленькая гавань с пирсом и рыбацкими лодками, узкие мощеные улочки, магазинчики и таверны. По пути им почти никто не встречался (все люди собрались в церкви на утреннюю службу), и лишь изредка взгляд юноши падал на чуждые лица, порывы бледные и с узкими глазами. Одна только рыжая девушка, вручившая ему плащ, вызывала смутные воспоминания, но они никак не могли всплыть наружу, будто голос, скрытый в глубинах вод.

Все тело ломило. Мышцы ныли, суставы болели, ступни сочились кровью. Голова была словно набита стеклом, отражавшим сцены, больше ему не доступные, и голоса птиц будто кричали об опасности. Флора взяла его за руку и повела к дому своих родителей – каменному, построенному на вершине утеса, с торфяным очагом, низкой крышей и окнами, выходящими на море.

Там она дала ему одежду, сапоги и пальто с воротником на волчьем меху, и подивилась тому, какой он красавец. Конечно, шелки выглядел совсем потерянным и не таким довольным, как она надеялась, но этого, наверное, следовало ожидать. Скоро он обживется на новом месте – если ничего не будет напоминать ему о потерянной шкуре, – и они заживут счастливо.

Флора поставила чайник и принялась готовить для любимого традиционный островной завтрак, дожидаясь возвращения родителей из церкви. Она уже придумала для них объяснение, и даже если мать стала бы сомневаться в правдивости ее слов, то вряд ли озвучила бы свои подозрения. А отец, китобой, был человеком простым и не подумал бы жаловаться на возможного зятя, если тот окажется трудолюбив, будет относиться к старшим с уважением и стараться соответствовать ожиданиям.

Шелки разглядывал комнату с нарастающим замешательством и тревогой. Домик был симпатичный, каменный, с уютным очагом. На стенах висели гарпуны и тюленьи шкуры. На полу лежал ковер, на полках – акульи зубы, рога нарвалов и бивни моржей, украшенные гравировкой. Шелки не понимал, что именно его смущало, но во рту почему-то пересохло от страха, и он дрожал, несмотря на яркий огонь в очаге. Здесь стоял жуткий запах смерти и мучений, но шелки больше некуда было пойти, и ему приходилось молча это терпеть.

Рыжая девушка подала ему миску с едой, жирной и неожиданно теплой. Видимо, он не привык к местным блюдам. А значит, это не его родина. Но куда пропали все воспоминания? Почему на нем не было одежды? Его обокрали? Скорее всего. И, вероятно, нещадно побили, судя по тому, как в теле все болело. Наверное, он лишился памяти из-за сильного удара по голове.

Шелки испытал внезапный прилив ярости по отношению к своим безликим обидчикам и представил, как жестоко отомстит им, когда к нему вернуться воспоминания. Значит, он и сам не чужд насилию? Пожалуй, в нем была такая склонность. Почему же он остался один на неизвестном берегу, нагой и беспомощный? Как разобраться, где его друзья, а где враги? И отчего ему до сих пор так *холодно*?

Рыжая девушка улыбнулась и вложила свои мягкие белые руки в его ладони.

– Ты сын вождя с островов шелка и специй. Ты прибыл сюда на торговом судне с товарами со своей родины. Мы встречались втайне и обручились без ведома моих родителей, но вот пришло время открыться им и отпраздновать радостное событие.

– Какое? – спросил шелки.

– Я ношу под сердцем твое дитя, – ответила девушка. – И скоро ты встретишься со своей новой семьей.

Это было уже слишком. Вонь смерти, непривычная обстановка, масляный привкус странного блюда, необъяснимый мороз, липнувший к коже, – а теперь еще это откровение. Все поплыло перед глазами шелки, и он услышал голоса у себя в голове, словно пытавшиеся предупредить его о чем-то на языке, который был ему больше неведом.

Флора нежно улыбнулась.

– Не волнуйся, я о тебе позабочусь, – сказала она.

Шелки поежился. Он чувствовал подвох, нутром чуял, что здесь что-то не так, и каждая частица его тела призывала бежать отсюда, хотя он не видел явных признаков опасности.

– Выпей еще бульону, – предложила Флора, наливая теплую жирную массу в глиняную миску. Шелки становилось дурно от одного запаха, но он не хотел показаться неблагодарным и лишь спросил:

– Из чего он?

– Из тюленя, разумеется, – с улыбкой ответила Флора. – Это серый тюлень, сваренный в собственном жире. На островах мы часто его едим, и ты быстро привыкнешь к этому вкусу.

Глава седьмая

Родители Флоры вернулись домой из церкви и обнаружили, что их дочь пьет чай с незнакомцем. Флора повторила выдуманную историю их отношений, приукрасив родословную юноши, и объявила о своей беременности.

– Говорила же, что не пройдет и года, как я найду настоящего принца и выношу для него малыша, – сказала она. – Теперь все девушки на острове будут мне завидовать, а молодые люди – сожалеть о том, что упустили свой шанс.

Мать задумчиво на нее посмотрела. Она помнила старые легенды не хуже дочери, и этот юноша с темными, словно тюленьими, глазами не походил на обычного чужестранца. А ведь нередко она просыпалась этим летом посреди ночи и слышала, как Флора выходит из дома. И в церковь ее дочь являлась не всегда, и на завтрак спускалась позже обычного. Матери не составило труда догадаться об истинной сущности их гостя, но она сказала себе, что девушке в двадцать пять лет непросто найти жениха, и потому не стала возражать.

А еще она подумала, что шелки будет верен своей жене, послушен и заботлив и никогда не станет ей перечить. Прирученный шелки станет хорошим отцом и ловким охотником и постарается сделать все возможное ради светлого будущего детей. А главное, он будет уважать свою тещу, работать и охотиться для нее, заботиться о ней в старости. Поэтому мать Флоры улыбнулась и сказала лишь:

– Какая удача! Надеюсь, ты сумеешь его удержать.

Как ни странно, убедить отца Флоры оказалось намного сложнее. Это был грубоватый и неприветливый, закаленный долгими годами работы в море человек, с глазами темными, как глубины океана, и он сразу отнесся к шелки с подозрением.

– Как его зовут и кто его семья? Где золото на свадебный подарок? Каким ремеслом он владеет?

– Он сын вождя и прибыл издалека, из южного племени, людей темнокожих и темноглазых, – ответила Флора. – Я выйду за него и рожу ему сына, такого же красивого и с отметинами, и в церкви буду сидеть впереди жен обычных моряков.

Отец сердито нахмурился.

– Что плохого в моряках? Как моя дочь может презирать ремесло, которое кормит ее?

Шелки, не вспомнивший ничего из своей прежней жизни по рассказам Флоры, обратился к ее отцу:

– Какая у вас профессия, сэр?

Тот гордо окинул взглядом свои охотничьи трофеи и сувениры из далеких плаваний.

– Я китобой с доброго судна «Кракен» и недавно вернулся домой после трех месяцев у западных островов. Весной мы охотимся на горбатого кита, моржа и серого тюленя и привозим домой масло, тюленьи шкуры, китовые усы, бивни моржей. Если хочешь жениться на моей дочери, ты должен найти свое ремесло, чтобы зарабатывать на жизнь как честный мужчина и обеспечивать свою семью.

У шелки к горлу подкатила тошнота от одной мысли об охоте, неважно, на кого – тюленей, китов, дельфинов, морских свиней или моржей, но он совсем ничего о себе не помнил и не понимал, почему испытывает отвращение к доброму судну «Кракен» и откуда эта тянущая боль в сердце. Поэтому он промолчал, изобразил улыбку и покосился на рыжую девушку, отчаянно желая вспомнить о том, что когда-то ее любил.

– Разумеется, – поддакнула Флора своему отцу, – но для начала мы поженимся: мой сын должен родиться в браке и получить от семьи все, что ему причитается.

В церкви огласили предстоящую свадьбу и назначили дату церемонии. Флора Маккрэканн дала шелки имя Койгрех, «чужестранец», и фамилию Макгилл, «сын незнакомца», которые считала очень красивыми. И в холодные осенние вечера неустанно вышивала свое новое имя, Флора Макгилл, на разных тканях цветными нитками.

Шелки пытался быть признателен китобою и его жене. Учился их традициям и даже ел блюда из тюленей и китов, хоть они и вызывали у него ужас и тошноту. Пытался спать на кровати, как это принято в Народе, пусть это и давалось ему тяжело и на полу он засыпал намного быстрее, но, так или иначе, снились ему одни кошмары. Юноша силился побороть отвращение к охотничьим трофеям, украшавшим стены дома, и шкурам, из которых были сделаны воротники их одежды. Сложнее всего ему было привыкнуть к холоду, щипавшему кожу днем и ночью. Сколько бы слоев одежды он ни надевал на себя, как бы близко ни садился к очагу, его не отпускало ощущение, будто ему не хватает еще одного слоя кожи, будто он обнажен и уязвим.

– Раньше мне тоже все время было холодно, – сказал ему как-то китобой, – но океан излечил меня от этого недуга, как и от многих других. Теперь я обращаю на холод не больше внимания, чем на брызги, которыми обдают меня волны, и он больше не страшен мне, как и морская болезнь, которая постигает всех моряков в их первую неделю на борту.

Он достал пыльную бутылку рома, налил им обоим по щедрой порции и рассмеялся, когда шелки стал плевать от крепкого алкоголя.

– За тебя, Койгрех Макгилл! Клянусь, что сделаю из тебя настоящего мужчину!

Год постепенно подходил к концу, а воспоминания к юноше все не возвращались, и шелки понял, что его бывшая жизнь навсегда осталась в прошлом, и он никогда не будет чув-

ствовать себя комфортно на новом месте, и по коже всегда будут бегать мурашки от страха при любом упоминании морской охоты. Как бы он ни пытался, юноша не мог привыкнуть ко вкусу рома, одежде из звериной шкуры, плоти серого тюленя на обед и ко сну на перине. Однако ему удавалось притворяться, будто все в порядке, и смиренно улыбаться, и смеяться над шутками китобоя. Благодаря этому он быстро завоевал симпатию родителей Флоры и показал себя приятным, порядочным молодым человеком, достойным войти в их семью.

Время шло, и приближался день свадьбы. Флора вышивала свое имя на приданом, а в сердце шелки нарастал ужас. Он понимал, что его ждет непростое испытание, он потерял аппетит, и по ночам к нему начали приходить кошмары страшнее прежних.

– Это все нервы, – отмахнулся китобой, когда мать Флоры обратила его внимание на темные круги под глазами будущего зятя. – Помнишь, как мы с тобой женились? Я тогда и двух слов связать не мог.

Он расхохотался, хлопнул шелки по спине и добавил:

– Крепись, Койгрих Макгилл. Свадьба длится всего день, не более. Скоро покончим с этими глупостями и будем свободны.

– Свободны? – эхом отозвался шелки.

– Да-да. Я поговорил с капитаном доброго судна «Кракен», и он согласился принять тебя в ученики китобоя – под моим руководством, разумеется. Мы отправимся в плавание сразу, как к этому будет располагать погода. Это благородное древнее ремесло. Им ты заслужишь уважение на островах, как и положено, ведь Флора – мое единственное дитя, и у нее должно быть только лучшее.

Шелки улыбнулся, но губы у него онемели, а желудок словно наполнился льдом.

– Что именно делает китобой? – спросил он едва слышно.

– Орудует гарпуном, – ответил китобой с глазами темными, как океан. – Клянусь, нет работы лучше во всех девяти мирах. Держись меня, повторяй все за мной и скоро наберешься опыта.

Он снова расхохотался, налил им рома и выпил за здоровье своего зятя. Шелки улыбнулся и опустошил свой стакан, но все не мог унять дрожь.

Часть 2

*Глядь, а пред нею мужчина стоит,
Грозен, ужасен собой,
«Дитя то мое, – ей гость говорит, —
Пусть не похвастаешь мной».*

Баллады Чайлда, № 113

Глава первая

Вождь клана Серых Тюленей с тяжелым сердцем приняла новости о сыне, но постепенно смирилась с его страшной участью. Для нее он был потерян, навсегда отрезан от родного дома, лишен родного языка и возможности вернуться в море.

Некоторые друзья юноши еще таили в сердце надежду, что его можно будет спасти, если найти шкуру, но гордая мать не слушала их мольбы, лишь скалилась в ответ и холодно отвечала, что запрещает им и близко подплывать к островам.

– Он теперь из Народа, и подходить к нему опасно, – говорила она. – Он не узнает старых друзей и, может, даже нападет на вас.

Шелки слушались ее – все, кроме давней подруги ее сына, которой больно было видеть, что его бросили сородичи. Она каждый день подплывала к берегу и высматривала его из воды, надеясь увидеть хоть на секунду. Сбросить шкуру и принять человеческий облик сейчас было бы слишком холодно, поэтому она наблюдала за пляжем издалека.

К сожалению, для нее все люди были на одно лицо. Все они ходили в теплых мешковатых пальто, меховых шапках и сапогах из тюленьей кожи, и сложно было их различить. Так же и для Народа все тюлени выглядели одинаково, и даже если бы юная шелки различила друга, он все равно не узнал бы ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.